

Жан-Клод Мурлева

РЕКА, ТЕКУЩАЯ ВСПЯТЬ

Томек

(Начало)

*Перевод с французского Надежды Бунтман
Иллюстрации Александра Шатохина*

Москва

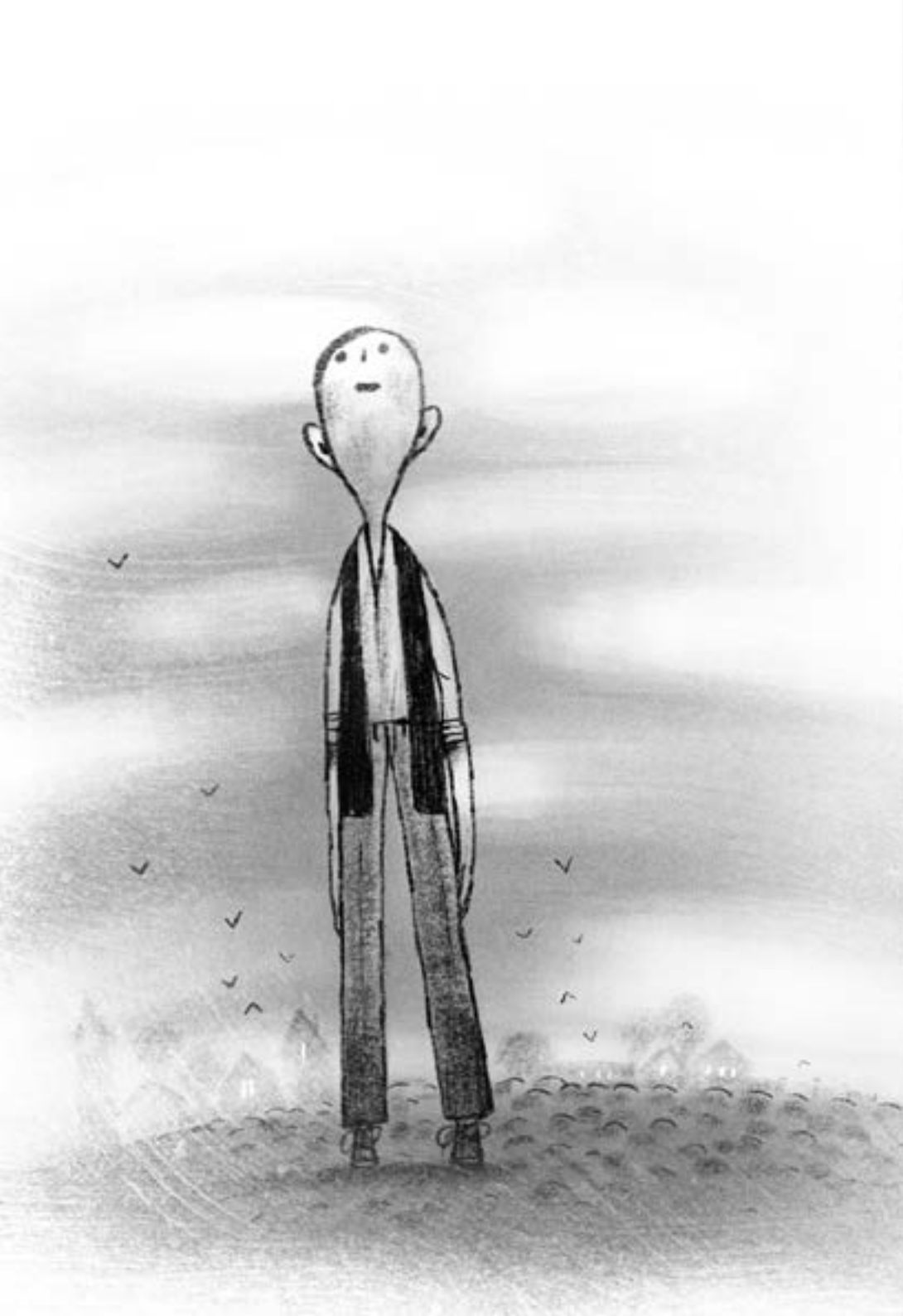

Самокат

ПРОЛОГ

Эта история произошла, когда люди еще не придумали, как сделать жизнь удобной. Не было ни телешоу, ни автомобилей с подушками безопасности, ни супермаркетов. Никто даже и не мечтал о мобильных телефонах! Но были уже и радуги после дождя, и абрикосовое варенье с миндалем, и полуночные купания — словом, все то, что ценится и по сей день. Впрочем, были, увы, и неразделенная любовь, и сенная лихорадка — недуги, от которых до сих пор не изобрели никакого лекарства.

Короче говоря, это было давным-давно.

Глава первая

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Лавка Томека стояла на краю деревни. Это был ничем не примечательный домик, и на его вывеске синей краской было выведено: «БАКАЛЕЯ». Дверь открывалась — динь-динь! — радостно звенел колокольчик, и улыбающийся Томек появлялся перед вами в сером фартуке бакалейщика. Это был мальчик с мечтательными глазами, достаточно рослый для своих лет и худощавый. Проводить опись товаров в лавке Томека — дело совершенно бесполезное. Они не влезли бы ни в одну амбарную книгу. Тут подходит только одно слово, и это слово — «всё». Томек продавал всё. У него вы смогли бы найти любую важную и нужную вещь, например, мухобойку или «Настойку панацеи» аббата Пердрижона, а еще, конечно, такие незаменимые в хозяйстве предметы, как резиновые грелки и охотничьи ножи.

Поскольку Томек жил в своей лавке, точнее, в пристройке позади лавки, бакалея никогда не закрывалась. Табличка, висевшая на двери, всегда была повернута

к посетителям надписью «ОТКРЫТО». Это, впрочем, не считалось поводом постоянно заходить к Томеку. Нет. Жители деревни уважительно к нему относились и старались не беспокоить по пустякам. Они знали, что в случае крайней необходимости Томек их вежливо обслужит даже посреди ночи. Тем не менее не стоит полагать, что Томек сидел на месте как привязанный. Напротив, он частенько выходил размять ноги, а то и пропал на полдня. В этом случае лавка оставалась открытой и клиенты сами себя обслуживали. Возвратившись, Томек обнаруживал на прилавке деньги и маленькую записку: «Взяла моток веревки для колбасы. Лина». Или только записку: «Взял табаку. Заплачу завтра. Як».

Так все шло своим чередом, как говорится, в этом лучшем из миров и так проплывали бы годы и столетия, и ничего особенного бы не происходило.

Но у Томека была тайная мысль. В ней не было ничего плохого или необычного. Он и сам не заметил, откуда она взялась. Это как волосы: мы не обращаем на них внимания, просто в один прекрасный день они становятся слишком длинными, и все. Так в один прекрасный день Томек обнаружил, что у него появилась мысль, которая, вместо того чтобы расти из головы, растет внутри, и вот какая это была мысль: Томек понял, что ему скучно. Хуже того: очень скучно. Ему хотелось уехать и повидать мир.

Из маленького окна в пристройке он смотрел на широкую равнину: весенняя рожь колыхалась, словно мор-

ские волны. И только дверной колокольчик в лавке — динь-динь! — мог оторвать его от мечтаний. Иногда на рассвете он бродил по дорогам, терявшимся в нежно-синих полях льна, и при мысли о возвращении домой у него сжималось сердце.

Осенью, когда перелетные птицы в величественном молчании пересекали небо, Томек с новой силой чувствовал желание уехать. Слезы застилали ему глаза, когда он наблюдал, как дикие гуси исчезали за горизонтом, мерно взмахивая крыльями.

К сожалению, не так-то просто уехать, когда тебя зовут Томек и ты отвечаешь за единственную бакалею в деревне. Особенно если до тебя ее держал твой отец, а до твоего отца — твой дед. Что подумают люди? Что ты их бросил? Что ты плохо с ними поступил? Что тебе не нравилось жить в деревне? В любом случае они не поймут. И огорчатся. Томек не хотел никого расстраивать. Он решил остаться и сохранить свою тайну. «Надо терпеть, — говорил он себе, — и со временем мысль уйдет так же, как пришла, медленно и незаметно...»

Увы, все получилось не так. Одно значительное происшествие вскоре свело к нулю все усилия Томека образумиться.

Это случилось в конце лета, вечером. Дверь лавки оставалась открытой, чтобы в дом проникала ночная прохлада. Томек подсчитывал что-то в своей особой тетради при свете керосиновой лампы и задумчиво грыз кончик карандаша, как вдруг звонкий голосок чуть не заставил его подпрыгнуть от неожиданности:

— Вы продаете карамельки?

Он поднял голову и увидел самое красивое создание, какое только можно себе представить. Это была девочка лет двенадцати, очень загорелая, в сандалиях и в поношенном платьице. На поясе у нее висела медная фляжка. Она вошла в открытую дверь бесшумно, словно видение, и теперь пристально смотрела на Томека темными грустными глазами.

— Вы продаете карамельки?

И тут Томек сделал вот что. Во-первых, ответил:

— Да, я продаю карамельки.

А во-вторых, Томек, за все свою жизнь и трех раз не оглянувшийся на девочку, влюбился в эту малышку. Влюбился внезапно, окончательно и бесповоротно.

Он положил карамельки в баночку и протянул ей. Она сразу же спрятала баночку в карман платья. Видно было, что ей не хочется уходить. Она стояла и внимательно смотрела на ряды шкафчиков, занимавших всю стену.

— Что у вас там, в шкафчиках?

— Все, — ответил Томек. — Все самое необходимое.

— И шляпные резинки?

— Разумеется.

Томек взобрался на лестницу и открыл верхний шкаф.

— Вот они.

— А игральные карты?

— Вот.

Она помолчала, а затем робкая улыбка тронула ее губы. Все это ее явно забавляло.

— А картинки с кенгуру?

Томек подумал немного, потом устремился к шкафу слева.

— Вот!

На этот раз темные глаза малышки засветились. Было так приятно видеть ее счастливой, что у Томека заколотилось сердце.

— А песок из пустыни? И чтобы не остывший!

Томек снова взобрался на лестницу и достал из шкафа маленькую склянку с оранжевым песком. Он спустился, высыпал песок на свою особую тетрадь, чтобы девочка могла его потрогать. Она погладила его тыльной стороной ладони, потом провела по нему подушечками проворных пальцев.

— Совсем еще теплый...

Она подошла вплотную к прилавку. Томек почувствовал ее тепло и захотел положить руку не на песок, а на ее золотистую ладонь. Она все поняла и продолжила:

— Такой же, как моя ладонь...

Свободной рукой она взяла руку Томека и положила на свою. Свет керосиновой лампы играл на ее лице. Это продолжалось несколько секунд, потом легким движением она высвободила руку, осмотрелась и указала пальцем на один из трех сотен маленьких шкафчиков:

— А в этом что у вас?

— Ничего особенного, катушки... — ответил Томек, ссыпая песок в склянку через воронку.

— А в этом?

— Зубы Богородицы... Это такие очень редкие ракушки...

— А... — разочарованно произнесла девочка. — А в этом?

— Семена секвойи... Я могу вам подарить несколько штук, если хотите. Но не сажайте их куда попало, потому что секвойи могут вырасти очень большими...

Томек хотел сделать ей приятное. Но вышло наоборот. Она снова помрачнела и задумалась. Томек не решился прервать молчание. В открытую дверь заглянула кошка, попыталась войти, но Томек прогнал ее, махнув рукой. Он не хотел, чтобы его беспокоили.

— Так у вас в лавке есть все? Действительно все? — спросила девочка, подняв на него глаза.

Томек смутился.

— Ну да... все необходимое... — ответил он как можно скромнее.

— Тогда, может быть, — проговорила малышка хрупким и дрожащим, но в то же время, как показалось Томеку, полным надежды голосом, — у вас найдется вода из реки Къяр?

Томек не имел никакого представления об этой воде, и реки такой он тоже не знал. Девочка все поняла и сразу сникла.

— Это вода, дающая бессмертие, разве вы не знали?

Томек покачал головой: нет, он не знал.

— Она нужна мне... — сказала девочка. Она постучала по фляжке, висевшей на ремне, и добавила: — Я ее найду и налью сюда...

Томек очень хотел, чтобы она сказала ему еще что-нибудь, но она уже разворачивала платок, в котором лежало несколько монет.

— Сколько я вам должна за карамельки?

— Один су... — прошептал Томек.

Девочка положила монету на прилавок, еще раз окинула взглядом три сотни шкафчиков и в последний раз улыбнулась Томеку.

— До свидания.

Она вышла из лавки.

— До свидания... — пробормотал Томек.

Пламя керосиновой лампы становилось все слабее. Он снова сел в кресло за прилавком. На раскрытой особой тетради лежали монетка незнакомки и несколько оранжевых песчинок.

Жан-Клод Мурлева

**РЕКА,
ТЕКУЩАЯ ВСПЯТЬ**

Ханна

Перевод с французского Натальи Шаховской

Иллюстрации Александра Шатохина

Москва

Самокат

ПРОЛОГ

Однажды я написала тебе, Томек, что, прежде чем я зашла в твою лавку, со мной случилось много невероятных приключений. И еще более невероятные пережила я, пока ты спал долгим сном в деревне Парфюмеров, а потом плыл через океан. Ты часто спрашивал, где я была все это время, что делала. Пришло время все тебе рассказать.

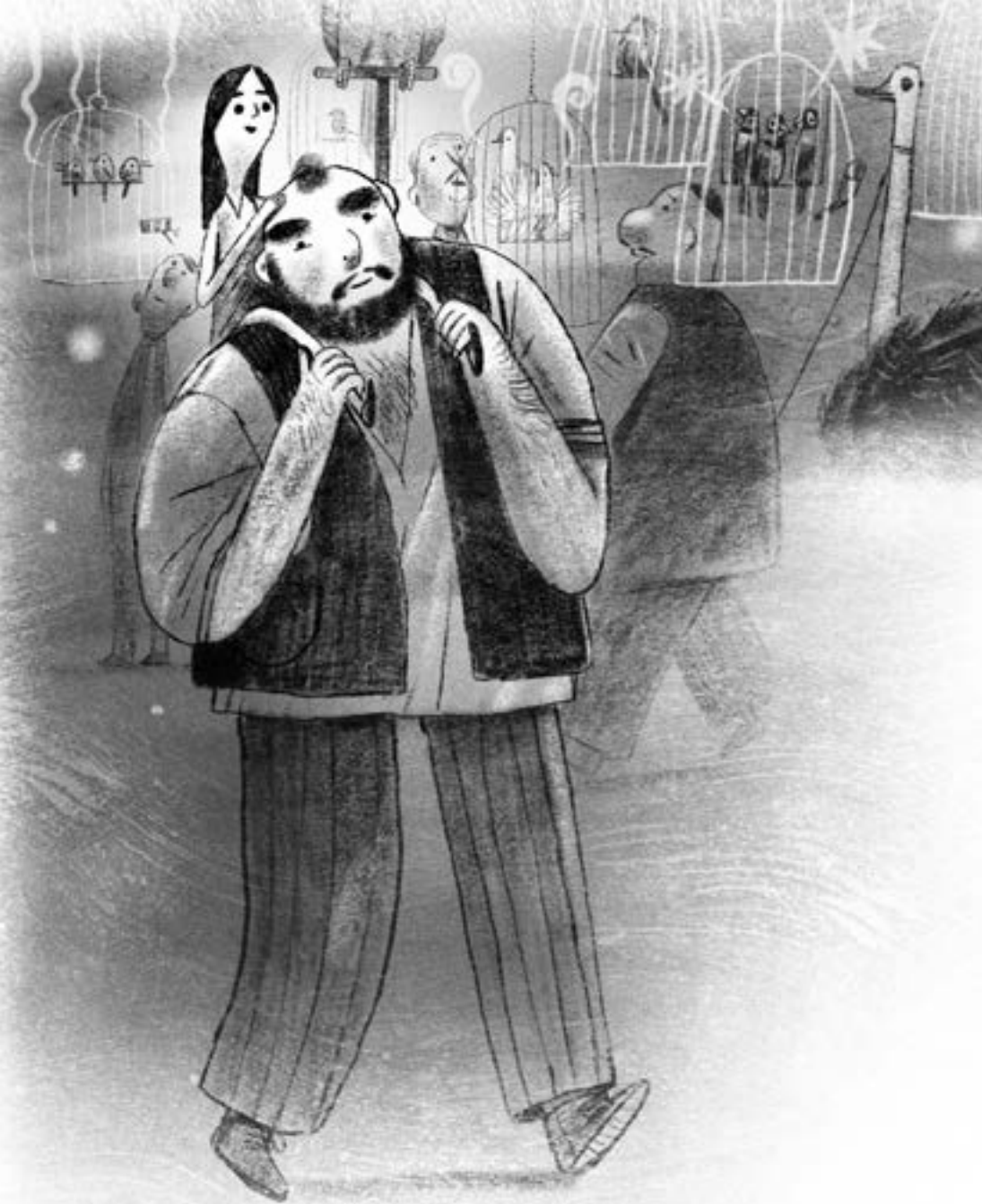
Но прежде чем начать историю моего путешествия, хочу сказать тебе, что никто никогда ее от меня не слышал и не услышит. К чему? Мне бы не поверили. Подумали бы, что я сочиняю, или что мне это приснилось, или, может быть, что я сумасшедшая.

Один ты, Томек, мне поверишь — после всего, что мы пережили вместе.

Эта история — лучший подарок, какой я могу тебе сделать. Конечно, есть еще тысяча прекрасных вещей, которые я могла бы тебе подарить: например, крохотные лошадки, которые скачут по ладони, — слышал о таких? А флейта, которая ночью иногда играет сама собой? А цветок, который никогда не вянет? А говорящий камень? Я бы подарила тебе все это, если бы могла. Но знай, ни один из этих подарков не сравнится с историей, которую я тебе расскажу. Тебе одному, потому что ты — самое дорогое, что у меня есть.

Не задавай ни одного вопроса. Только слушай, как слушал бы музыку. Не беспокойся, я ничего не пропущу. Ни малейшей подробности. А когда доскажу — все, рот на замок. Больше я об этом никогда не заговорю.

А теперь слушай.

Глава первая

ПТИЧЬЯ ЯРМАРКА

Вспомни, Томек, письмо, которое я оставила тебе в деревне Парфюмеров. Там я рассказала, как мой отец когда-то купил мне амадину в нашем северном городе.

Это было весенним утром. Помню, как я сидела у отца на плечах, гордая, как королева, в суতোлке птичьей ярмарки. Там было все, что только есть в мире пернатого. Изящная птица-лира, сидящая на высоко поднятой руке продавца. Тысячи неразлучников в разноцветных клетках. Страус, которого продавец вел за собой на поводке, как поводырь — ручного медведя. Ослепительно яркие ара, голубки, белые, как снег, ткачики... Все это свистело, щебетало, ворковало, пищало, пело. Вот говорят, что дети не сознают своего счастья. Я свое знавала. Для меня оно было вполне определенным: счастье — это когда тебе шесть лет, ты сидишь у отца на плечах, держась за его голову, смотришь сверху на город, ошалевший от гомона и многоцветья, а главное — имеешь право выбрать из всех птиц, какие есть на свете, ту, которую мы унесем домой.

«Какую птичку ты хочешь, Ханна? Какая тебе больше всего нравится?»

Такой вопрос задавал мне отец каждый год с самого моего рождения. И каждый год я показывала пальцем: «Хочу вот эту, хочу вон ту...» Он тут же ее покупал, не глядя на цену, и я подсаживала ее в большую клетку к прочим.

Почему в этот год я все никак не могла решить, чего хочу? Трудно сказать. Во всяком случае, был уже полдень, а я все еще не выбрала. Было очень жарко, так что отец свернул в затененный проулок, подальше от толчеи, и мы присели на каменные ступени ближайшего крыльца.

— Посидим тут немножко, — сказал он, — передохнём.

Там рядом уже сидел какой-то человек, а между колен у него стояла ивовая клетка. Мне хватило одного взгляда.

— Хочу вот эту.

— Кого «эту»? — рассеянно отозвался отец, который не заметил ни человека, ни клетку.

— Вот эту птичку.

Это была маленькая амадина, вся бирюзово-синяя, а горлышко ярко-желтое. Никогда не видела я такой красивой птицы. Я влюбилась в нее с первого взгляда.

Продавец, тощий старик, взял клетку и поставил передо мной, чтоб я могла получше рассмотреть птичку. Похоже, он был не слишком разговорчив.

— Сколько она стоит? — спросил отец.

— Пятьсот тысяч ливров плюс бутылка рома, — спокойно заявил старик.

Мы не поняли, и он пояснил:

— Пятьсот тысяч ливров — столько стоит птица. А бутылка рома — в утешение мне, что я ее теряю. Потому что эта амадина — не просто птица. Это принцесса, заколдованная больше тысячи лет назад. Посмотрите, какой у нее клювик, какие глаза. Она хотела бы заговорить, рассказать нам свою историю. И не может. Только поет.

Я прильнула лицом к самой клетке, а птичка словно заклинала меня: «Это правда! Правда! Верь!»

Отец молчал. Он переводил взгляд с продавца на клетку, с клетки на продавца. Только было открыл рот — наверное, хотел поторговаться, — как продавец снова заговорил:

— Я старый человек и не могу больше работать. Эта птица — все, что у меня есть. Вот почему я прошу за нее пятьсот тысяч ливров и ни на грош меньше. Плюс бутылка рома...

Тогда мой отец, который сошел с ума от счастья, когда я родилась, — я тебе это уже говорила, Томек, — тогда отец еще раз сошел с ума. Он попросил продавца приберечь птичку, пока он соберет деньги. В одну неделю он распродал все: дома, стада, землю, мебель, свою одежду, одежду моей матери и братьев, все до последней простынки... Потом, поскольку этого оказалось недостаточно, он обратился к ростовщикам. И мы купили птицу.

Мать этого не могла стерпеть, она ушла с моими братьями, забрав с собой то немного, что еще остава-

лось. Оставила только амадину. Мы с отцом поселились в убогой лачуге. Отец нанялся на работу: три года он возил ручную тележку по улицам нашего города, а они очень крутые. Однажды утром он просто не встал. Загнал себя до смерти. Мне было всего девять лет. В это утро кончилось мое детство.

Меня взяли к себе дальние родственники. Увезли в южный город, белый и мирный. И дом у них был такой же, как город: белый и мирный. Это было как раз то, в чем я нуждалась, потому что в нашей лачуге я за недолгое время превратилась в настоящего звереныша. Мне пришлось заново учиться аккуратно есть, умываться каждый день, прятать когти... Приемные родители были очень терпеливы со мной.

Их дочке по имени Хоа было три годика, когда я там появилась. Она стала для меня сестренкой, которой у меня никогда не было. Мне жилось у них счастливо. Они окружили меня любовью и заботой. И все же иногда, когда я ложилась спать, мне вспоминался отец и накатывало горе. Тогда я шла к амадине, и она утешала меня. Так было до того ужасного дня, когда я нашла ее под жердочкой дрожащую, совсем больную. Я согревала ее в ладонях, я умоляла ее:

— Не покидай меня... Если ты умрешь, у меня ничего больше не останется от того, что было...

Из глубины ее черных глазок маленькая тысячелетняя принцесса взывала ко мне: «Не дай мне умереть... Только ты знаешь, кто я есть. Помоги мне...»

Прошло несколько ужасных дней. Каждое утро я боялась обнаружить ее безжизненной и холодной. Она в конце концов оправилась, но я с тех пор жила в страхе. Мне невыносимо было думать, что я могу ее потерять. Это значило бы потерять вместе с ней маленькую принцессу, потерять девочку, которой я была раньше, потерять все, что осталось у меня от отца.

А потом я услышала того сказочника на площади. Он рассказывал о реке Къяр, которая течет вспять, о ее воде, которая дает бессмертие.

— Она где-то далеко, далеко на юге, — говорил он, — за песками горячими, за морем-океаном... И чтоб найти ее, надо лишь отважиться и не терять мужества...

Я приняла решение в тот же день... Знаю, это кажется сумасшествием. Но я и есть немного сумасшедшая. В отца, наверное.

Я отправилась в путь в начале лета, когда ночи совсем короткие. Тихонько вылезла из постели в одной рубашке, бесшумно собрала то небольшое, что припасла в дорогу: шерстяное одеяло, мои скудные сбережения, завязанные в платок, фляжку и котомку со всякими нужными мелочами, такими как расческа, зеркальце, школьная тетрадка, карандаш... Туда же я положила кое-какую теплую одежду и запас еды на два дня.

Потом я оделась. Крадучись подошла к спальне приемных родителей. Дверь была закрыта. Я прижалась к ней лбом и прошептала:

— До свидания.

Я им писала, написала не меньше десятка писем, но все порвала. Как объяснишь взрослым, что в двенадцать лет уходишь одна в ночь и это не безрассудство?

Потом я зашла в спальню Ходы.

— Хода, Хода, проснись! — пошептала я, глядя ее круглую теплую щечку.

Она открыла один глаз и улыбнулась мне, еще не совсем проснувшись.

— Хода, слушай, я уйду. На некоторое время. Но я скоро вернусь, обещаю. Завтра скажешь это родителям и поцелуешь их за меня, ладно?

Она кивнула — да, она это сделает, — но я еще спросила для верности:

— Что ты утром сделаешь?

— Поцелую за тебя папу и маму, — послушно отработовала она.

— Правильно. А что ты им скажешь?

— Что ты скоро вернешься... — Она зевнула и повернулась на другой бок.

— Правильно, а теперь спи...

Когда я ее поцеловала, она уже спала. Я подошла к клетке с амадиной. Я не стала снимать ткань, которой она была прикрыта, боясь, как бы птичка не запела. Только опустилась на колени и прошептала:

— До свидания, птичка моя. Я иду искать для тебя воду, которая дает бессмертие. Я принесу ее и дам тебе выпить капельку. Дождешься меня? Обещаешь?

В ответ — ни звука, ни шороха, так что я не удержалась и просунула палец под ткань. И тут же почувствовала, как птичка поклевывает мне ноготь.

— Ты говоришь «до свидания»? Ты знала, что я собираюсь уйти?

Она подставила шейку, чтоб я ее погладила.

— Это значит, ты будешь ждать? Постарайся дождаться?

Наконец я перекинула через плечо скатанное одеяло, взяла котомку и вылезла в открытое окно моей комнаты.

Ночь была еще светлая и очень теплая. Я поспешила к площади, от которой отходят дилижансы. Уже на подходе к ней слышно, и чем ближе, тем явственнее, как фыркают лошади, перекликаются кучера, с грохотом забрасывают на крышу багаж. Это манит в дорогу даже тех, кому никуда не надо.

— Куда едем, барышня?

Я покраснела. Всего четверть часа, как из дома, а ко мне уже обращаются как к взрослой девушке! Сперва я и не разглядела этого парня, только смеющиеся глаза да встрепанную рыжую шевелюру.

— Я еду... еду на юг, — сказала я.

— Далеко?

— Да...

— Может, до самого Бан-Байтана?

Это была скорее шутка, чем вразумительный вопрос. И парню она как будто казалась очень смешной. Он

стоял около дилижанса, запряженного парой смиренных черных лошадей.

Бан-Байтан... Я не раз слышала это название от приемного отца. Означало оно «очень далеко». Что-то вроде «куда ворон костей не заносил». Так что я даже и не знала, существует ли на самом деле такое место. Не понимаю, что тут на меня нашло. То есть нет, прекрасно понимаю: я не люблю, когда надо мной смеются, и мне захотелось заткнуть рот этому парню.

— Вот именно. Я еду в Бан-Байтан.

На миг он онемел, потом вскочил на козлы к кучеру, который сидел в ожидании, закутанный в просторный черный плащ. Парень что-то ему сказал, и кучер обернулся и уставился на меня. Он был очень стар. Морщины, глубокие, как овраги, прорезали его лицо. Парень и кучер еще немного поговорили между собой. Я гадала, что бы могло означать это тайное совещание. Что они там обсуждают? И почему старик всматривается в меня с таким любопытством? В конце концов парень соскочил с козел:

— Вы правда едете в Бан-Байтан?

Я даже отвечать не стала. Только пожала плечами: «Ну да, а что тут такого удивительного? Почему бы мне не ехать в Бан-Байтан? Хватит глазами хлопать, делайте лучше свое дело».

Парень еще помялся, но, видя мою решимость, сдался.

— Прекрасно, мадемуазель. Загрузить ваши вещи на крышу или предпочитаете оставить их при себе?

— При себе.

— Как скажете, мадемуазель.

Я была довольна, что он сменил тон, однако осмотрительности не утратила и, когда он подхватил мою котомку, спросила:

— Сколько с меня?

— Нисколько. Ровным счетом ничего. Обопритесь на мое плечо, подножка у этого старого рыдвана довольно высокая.

Нисколько? Мне бы следовало заподозрить неладное: «Осторожно, Ханна, это может оказаться опасным, берегись». Я попробовала испугаться, но не получилось. Этот рыжий парень не был плохим. Я такие вещи чувствую. Едва я уселась в дилижанс и обнаружила, что других пассажиров нет, как он уже тронулся. По запруженной площади лошади шли шагом, потом на более свободных улицах перешли на рысь. Немного погодя мы проехали мимо нашего дома. Быть может, моя приемная мать сейчас повернулась на другой бок и подумала сквозь сон: «А, это проезжает дилижанс на юг...» Я чуть не застучала в стенку, чуть не крикнула: «Подождите! Стойте... Это была ошибка... Я не хочу уезжать... Дайте мне сойти!»

Но ничего этого я не сделала.

Мы миновали предместья, потом и последние огни остались позади. И дилижанс покатил все глубже в светлую ночь по прямой, как стрела, дороге, ведущей на юг.

